

Научная статья. Исторические науки

УДК 94(594)

DOI: 10.31696/2072-8271-2025-4-4-69-327-339

ПОЛОЖЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ИНДОНЕЗИЙСКОГО ПАПУА В 1960-2000-х ГОДАХ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

Егор Сергеевич БЕСЕДИН¹

¹ИМЭМО РАН, Москва, Россия,

e.besedin@imemo.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1776-1332>

Аннотация: Статья посвящена анализу восприятия индонезийской политики на территории западной части острова Новая Гвинея глазами представителей коренного населения. Исследование основано на критическом прочтении пяти групп эго-документов – мемуаров политических активистов, устных историй чиновников, свидетельств женщин, переживших насилие, и показаний участников протестов 1998 г. в Биаке. Материалы позволяют проследить, каким образом папуасы описывают политические, административные и экономические практики индонезийского государства и какие представления складываются об инструментах управления – дисциплинарных механизмах, секьюритизационном дискурсе, маргинализации в системе власти и экономической эксплуатации. Значительная часть свидетельств демонстрирует восприятие индонезийского правления как структуры, основанной на тотальном контроле, насилии и неравном распределении ресурсов. Выделяются также элементы самовосприятия папуасов, включающие мотивы религиозной стойкости, морального превосходства, внутренней критики и коллективной травмы. В совокупности рассмотренные источники позволяют реконструировать многослойное и противоречивое отношение жителей Папуа к политике Джакарты в 1960-2000-е годы.

Ключевые слова: эго-документы, этнополитический конфликт на Папуа, Индонезия, структурное насилие, культурная травма, экономическая эксплуатация

Для цитирования: Беседин Е.С. Положение жителей индонезийского Папуа в 1960-2000-х годах глазами очевидцев // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2025, Том 4, № 4 (69). С. 327–339. DOI: 10.31696/2072-8271-2025-4-4-69-327-339

Original article. Historical science

THE SITUATION OF THE INHABITANTS OF INDONESIAN PAPUA IN THE 1960s – 2000s THROUGH THE EYES OF EYEWITNESSES

Egor S. BESEDIN ¹

¹ IMEMO RAS, Moscow, Russia,
e.besedin@imemo.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1776-1332>

Abstract: This article investigates how indigenous Papuans perceived Indonesian governance in the western part of New Guinea from the 1960s to the early 2000s. Using a critical reading of five sets of ego-documents (personal memoirs, oral histories of Papuan administrators, and testimonies from women and protest participants) the study reconstructs local interpretations of political authority during the period of Indonesian consolidation. The analysis demonstrates that Papuan authors consistently describe state practices in terms of disciplinary control, securitized administration, and routine coercion, which together produced an enduring sense of structural violence. Testimonies also highlight political marginalization and unequal access to economic resources, reinforcing the view of Indonesian rule as a continuation of colonial domination. At the same time, the sources reveal how Papuans articulated their own position through narratives of moral steadfastness, religious framing, internal critique, and collective trauma. By bringing together these diverse first-person accounts, the article offers a bottom-up perspective on Indonesian state power in Papua and illuminates the complex ways in which governance, identity, and violence were experienced by local communities.

Keywords: *ego-documents, ethnopolitical conflict in Papua, Indonesia, structural violence, cultural trauma, economic exploitation*

For citation: Besedin E.S. The Situation of the Inhabitants of Indonesian Papua in the 1960s – 2000s through the Eyes of Eyewitnesses. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2025, T. 4, № 4 (69). Pp. 327–339. DOI: 10.31696/2072-8271-2025-4-4-69-327-339

1 мая 1963 г. стало знаковым днём для индонезийской государственности: Временная исполнительная власть ООН, управлявшая Западной Новой Гвинеей по условиям Нью-Йоркского соглашения с октября 1962 г.¹, передала властные полномочия в руки правительства Сукарно, ознаменовав, с одной стороны, окончание «собирательства земель» Малайского архипелага, принадлежавших Нидерландской

колониальной империи, с другой стороны, начало этнополитического конфликта, продолжающегося уже 62 года.

Несмотря на низкую интенсивность конфликта, его влияние на благополучие коренного населения провинций западной части острова Папуа весьма обширно и может быть охарактеризовано как структурное насилие по Йохану Галтунгу². Известный индонезист А.Ю. Другов в статье, посвящённой конфликту, подчёркивал значительные различия в доступе к экономическим благам и возможностям для развития человеческого капитала, расизм в отношении папуасов и политическую маргинализацию представителей коренного населения³ как важнейшие проявления политики Джакарты на рассматриваемой территории. Вместе с тем в отечественной литературе не встречается работ, детально поднимающих вопрос оценки индонезийской политики самими жителями индонезийской части о. Новая Гвинея, что обуславливает исследовательский интерес к данной тематике и научную новизну настоящей статьи.

Таким образом, целью исследования является оценка восприятия проявлений индонезийской власти жителями Папуа. Методология работы включает критический анализ источников личного происхождения, теории секьюритизации Барри Бузана и Оле Уэвера⁴, дисциплинарной власти Мишеля Фуко⁵ и структурного насилия Йохана Галтунга, а также концепцию культурной травмы Петра Штомпки⁶.

«...не ради мести, а чтобы никто не забыл»:

характеристика источников личного происхождения

При анализе источников личного происхождения важно учитывать ряд особенностей, присущих этому виду исторических сведений. В контексте рассматриваемой в настоящей статье темы ключевой из них следует считать субъективность оценок, высказываемых в рамках нарратива: позиции авторов, находящихся, по их мнению, в подчинении иного государства, очевидно, будут сопряжены с высокой степенью предвзятости, что может приводить, например, к избирательному использованию фактов и излишней категоричности в высказываемых оценках. Вследствие этого некоторые историки низко оценивают исследовательский потенциал подобных источников: к примеру, известный русский и советский историк Е.В. Тарле считал мемуары как одну из основных групп источников личного происхождения менее ценными для целей исследования, поскольку у их авторов «...есть совершенно сознательное намерение показать читателю людей и их поступки лишь в известном освещении: выявить одно, скрыть другое, извратить

третье»⁷. На наш взгляд, подобное обстоятельство действительно необходимо учитывать при анализе, однако, поскольку целью исследования является выявление восприятия индонезийской власти непосредственно со стороны папуасов, именно работа с эго-документами через призму критического анализа и сопоставление с иными исследовательскими материалами представляется уместной исследовательской стратегией.

В рамках исследования будет рассмотрено пять публикаций, попадающих под определение эго-документов. Их уместно разделить на две группы. К первой относятся авторские сочинения Захариаса Савора «Я – папуас» и «Будто мы полу-звери: индонезийский расизм на Папуа» Филепа Карма, одного из известных современных деятелей сепаратистского движения. Савор (р. 1937) – один из пяти папуасских мальчиков, отправленных на учёбу в Нидерланды в 1955 г. в честь столетнего юбилея начала миссионерской деятельности на Папуа. Вернувшись на Папуа в 1962 г., он попал в самую гущу событий; поскольку образовательная программа была нацелена на подготовку управленцев для будущей независимой Западной Новой Гвинеи, Савор остался недоволен судьбой своей Родины. В том же 1962 г. он был заключен в тюрьму за антигосударственную деятельность, в 1966 г. закончил отбывать срок, а в 1967 г. бежал в Нидерланды, где долгие годы освещал политику Индонезии в западной Новой Гвинее⁸. Филеп Карма (1959-2022) – человек с интересной биографией: он родился в семье чиновника, служившего и при нидерландском, и при индонезийском правительствах, а его двоюродный брат Констант побывал на посту губернатора провинции Папуа в 2012-2013 гг.⁹. Сам Филеп, получив университетское образование, также стал чиновником, однако в историю вошёл как человек, участвовавший в протестах 1998 г. и возглавивший церемонию поднятия флага «Утренняя звезда» – символа папуасского движения за независимость¹⁰. За свою деятельность Филеп провёл в тюрьме 11 лет, после чего отстранился от политики и погиб в 2022 г. в результате несчастного случая во время плавания с аквалангом¹¹. Таким образом, свидетельства из первой группы имеют схожие черты: их авторы получили хорошее образование и отсидели в тюрьме за политический активизм, что предполагает, с одной стороны, более критический подход к проблематике, с другой стороны, очевидную предвзятость против индонезийского правительства, воспринимаемого в качестве личного врага.

Вторая группа включает в себя сборники воспоминаний: во-первых, «Управляя Новой Гвинеей: устная история чиновников на Папуа, 1950-1990» под редакцией Леонтина Виссера, во-вторых, сборник

«Хватит! Свидетельства папуасских женщин, пострадавших от насилия и нарушений прав человека в 1963-2009 годах», подготовленный рабочей группой по насилию и нарушениям прав папуасских женщин; наконец, к этой группе относится составленная индонезийским Институтом изучения и защиты прав человека (*ELSHAM*) публикация «Имена без могил, могилы без имён: отчёт о нарушениях прав человека в Биаке, Ириан-Джая», содержащая показания свидетелей на слушаниях, посвящённых протестам 1998 г. в городе Биак. Документы данной группы выступают в качестве среза коллективной памяти различных социальных групп: так, воспоминания чиновников позволяют оценить практики управления на Папуа и их эволюцию, принципы отношения властей к папуасам, а также выделить инструменты политики. Свидетельства папуасских женщин и показания протестовавших в 1998 г. папуасов позволяют выявить мотивацию жителей западной Новой Гвинеи, их оценку структурных проблем региона и их восприятие индонезийской политики.

Суммируя, отобранные источники позволяют получить разнообразные взгляды на проблемы индонезийского управления регионом, что позволяет вычленив наиболее распространённые оценки и составить картину восприятия «снизу» событий 1960-2000-х годов.

«Вы укрываете у себя лидеров ОСП?»: восприятие индонезийского режима управления на территории Папуа

В 1963-2001 гг. на Папуа, как и в иных регионах страны, не существовало особых режимов управления – Индонезия являлась унитарным централизованным государством. Для жителей западной Новой Гвинеи, территория проживания которых была включена в состав страны согласно «Акту свободного выбора» 1969 г. (референдуму, проведённому на основе голосов избранных папуасов, лояльных Джакарте¹²), установившаяся власть воспринималась как смена одного колониального хозяина на другого. Как отмечал Савор, в результате геополитических изменений на о. Новая Гвинея установилось «индонезийско-австралийское колониальное владычество»¹³. Это владычество выразилось в создании дисциплинарного режима, в рамках которого под предлогом обеспечения безопасности правительство, например, пыталось за счёт реализации программы трансмиграции «задушить жизнь папуасов, быстро добавляя к ним большое количество яванцев...»¹⁴ или проводило «аресты [предполагаемых активистов – прим. автора]... в ночные часы»¹⁵ с целью запугивания активистов. Подобные описания схожи с концепцией паноптикума – одним из центральных образов в

описании дисциплинарной власти в работах Мишеля Фуко, предполагающим обеспечение покорности за счёт создания ощущения постоянного наблюдения¹⁶.

Основным средством обеспечения покорности и наиболее ужасающим в восприятии папуасов проявлением индонезийской политики стали постоянные силовые акции. Авторы эго-документов фиксируются на различных эпизодах структурного насилия со стороны индонезийских силовых ведомств. Так, в докладе *ELSHAM* рыбак YY, один из свидетелей, отмечал, что находил в море «два тела с руками, связанными пластиковыми верёвками», а затем «четыре тела, с содранными волосами и дырками в черепах»¹⁷, что свидетельствует о применении внесудебных расправ и похищении людей во время подавления протестов 1998 г. – практика, доставшаяся Индонезии в наследство от времён *Orde Baru*¹⁸. Отмеченные в этих показаниях следы пыток подтверждаются и в показаниях других свидетелей: так, при подавлении демонстрации в Биаке во время ареста «молодых били по гениталиям и прикладами, одного закололи штыком в лоб»¹⁹, а затем фактически была устроена публичная казнь, направленная на запугивание протестующих с целью предотвращения дальнейших протестов: «заставляли лежать под солнцем, пока по ним ходили сапогами»²⁰. Наконец, из мемуаров женщин мы узнаём, что частью стратегии устрашения было сексуальное насилие. В этом аспекте проявляется особый цинизм представителей силовых структур: так, высказывание «Вместо того чтобы убить тебя, лучше уж изнасилуем»²¹ демонстрирует, что подобная практика рассматривалась как более «гуманная» альтернатива убийству и проявление милосердия.

На становление дисциплинарного режима серьёзное влияние оказала и маргинализация папуасов в политическом поле. Этот аспект достаточно подробно раскрывается в воспоминаниях, собранных Виссером. Две основные проблемы, выделяющиеся в мемуарах чиновников – это зависимость в принятии решений от Джакарты и игнорирование местных кадров при назначении на должности. Первый аспект иллюстрируется изящной метафорой Доруса Румбиака; описывая сохранение позиций неэффективными менеджерами за счёт клиентских связей, он подытоживает: «... всё это регулировалось Джакартой. Папуа была словно лист, а дерево находилось в Джакарте. И это нельзя было изменить»²². Проблема предпочтения не-папуасов при назначении на управленческие посты также затрагивается Румбиаком, отмечающим, что «Большинство чиновников вокруг губернатора были присланы извне»²³, однако более подробно эту проблему раскрывает Мартин

Сенанди. Работая в отделе кадров государственных служб, он предпринимал попытки помочь молодым образованным папуасам с получением постов, однако «...план не удался из-за блокирующих их карьерный рост игр власти»²⁴. Однако следует отметить, что подобные свидетельства не характеризуют полной картины; к примеру, при характеристике источников мы упоминали, что отец Филепа Карма, папуас, служил чиновником при индонезийском правительстве, что доказывает возможность получения папуасами управленческих должностей при стечении обстоятельств и проявлении лояльности Джакарте.

Наконец, папуасы выделяют экономическую эксплуатацию как одно из важных проявлений индонезийской политики. Так, неоднократно отмечаются случаи реквизиции земель, напоминающие рейдерские захваты: Флоренц Имбири отмечал, что адатные владения некоторых племён изымались без предупреждения, а при попытке заняться традиционными промыслами на них «...им препятствовали предприниматели, которые пользовались поддержкой военных и говорили папуасам: “У вас больше нет на это права, это право предпринимателя”»²⁵. Похожую историю рассказала одна из респонденток материала «Хватит!»: «Людей обманули прельщениями... Вождя восьми племён держали под дулом пистолета, чтобы он подписал письмо о передаче леса Арсо»²⁶, что позволяет сделать вывод о массовости подобной практики. Важно отметить, что полученные средства не использовались для вложений в развитие Папуа, а уходили в центр: так, тот же Имбири подмечал, что «крупные предприниматели из Джакарты завладели... полностью вырубил тропические леса в Папуа, а заработанные деньги... переводили в Джакарту»²⁷, и ему вторит Исмаэль Баув: «Я помню, что в заливе Бинтуни Мбак Тутут (Сити Хардиянти Рукмана, дочь президента Сухарто) ежегодно получала доли в компании на сумму 30 миллиардов рупий»²⁸.

Таким образом, восприятие индонезийской власти жителями западной Новой Гвинеи сводится к ощущению структурного насилия в политической и экономической сферах в свой адрес, что приводило к значительному снижению благополучия.

**«...нас, папуасов, унижают также – поменялись ролями»:
дискурсивные практики Джакарты**

В этой части работы мы отдельно остановимся на том, как папуасы воспринимали дискурс Джакарты в отношении Папуа. В описаниях авторов эго-документов явно прослеживается, что риторика индонезийского правительства имеет черты секьюритизационной: основной

фокус всегда делается на централизации, замалчивании конфликта и достижении безопасности любыми средствами.

Одной из ключевых черт дискурса Джакарты стало позиционирование собственных действий как обеспечения безопасности. Так, любые акции, например, описанный Савором эпизод с рейдом спецназа Brimob в деревне Гулулу после убийства одним из силовиков свиньи местного жителя²⁹, позиционировались как меры по достижению безопасности. Вместе с тем реальный характер действий силовых структур скорее напоминал карательные зачистки: так, тот же Савор упоминает «...карательные операции в районах, где собрались повстанцы, в том числе в Нуни-Прафи, Вармаре, Маджембо, Инан, Аджамару»³⁰, а затем приводит масштабные списки погибших жителей западной Новой Гвинеи³¹, в то время как в отчёте «Хватит!» встречается ещё более резкая и ёмкая характеристика – «История народов Папуа написана кровью»³². Несмотря на подобные обстоятельства, равно как и на сам факт ведения конфликта, индонезийские официальные лица неоднократно утверждали, что никакого «папуасского вопроса» нет. Фелип Карма выловил отличную цитату Джоко Суянто, министра-координатора по вопросам политики, права и безопасности в 2004-2009 гг.: «в Индонезии нет политзаключённых, есть только уголовники»³³, что относилось в том числе и к самому Фелипу, равно как и к прочим активистам, боровшимся за независимость Папуа.

Одним из инструментов национального строительства и конструирования дискурса стала языковая политика индонезийского правительства. Несмотря на то, что подавляющее большинство папуасов владели лишь местными языками, официальным языком делопроизводства был объявлен индонезийский, что, с одной стороны, ограничивало доступ папуасов в органы власти, с другой стороны, затрудняло местным жителям доступ к государственным услугам. Интересно, что первые проблемы возникли ещё в момент переговоров с ООН: индонезийский язык был объявлен языком ведения дипломатического процесса, и это позволяло манипулировать фактами при выстраивании позиции: Долф Фабидиан отмечал, что «...папуасы отвергли систему демократии посредством совещательного консенсуса, но сотрудникам ООН и неиндонезийцам говорили, что народ Папуа с этим согласен»³⁴. После включения Папуа в состав страны «индонезиезация» новых земель фактически стала условием выживания: поскольку «...никаких усилий для перевода новых концепций и законов не предпринималось, и никого не беспокоило, что население Папуа их не понимает»³⁵, население было

вынуждено быстро осваивать новый язык, чтобы не оказаться в маргинализованном положении.

Наконец, важным элементом дискурса Джакарты стала борьба с символами, присущими борющимся за независимость Папуа силам. Основным символом движения, как отмечалось выше, является «Утренняя звезда» – национальный флаг предполагаемого государства на западной Новой Гвинее. С этим символом связаны два эпизода: так, Захариус Савор описал историю школьного учителя Доминггуса Полланды, которого в 1964 г. индонезийские солдаты привязали к собственному флагштоку и забили до смерти за то, что у него был найден спрятанный папуасский флаг³⁶. Вторая история рассказана от первого лица: Фелип Карма, иронизируя над двойными стандартами индонезийского правительства, подмечает, что власть позиционирует себя как демократическую, однако на Папуа «...лишь за поднятие флага или крик "свобода" сажают по статье о государственной измене»³⁷. Очевидно, что в восприятии жителей Папуа подобная борьба с символами является политикой принудительного забвения с целью выстраивания новой, индонезийской идентичности.

Таким образом, в представленных эго-документах дискурс Джакарты имеет явные черты секьюритизационного.

«...пали как герои своего народа»: самовосприятие папуасов под властью Индонезии

Позиционирование жителей Папуа в представленных работах является весьма многогранным и выстраивается вокруг двух основных столпов: морального превосходства и коллективной травмы.

Важнейший символический ресурс, которым авторы документов обосновывают своё моральное превосходство, является религия. Наиболее явно этот мотив прослеживается в риторике Фелипа Карма: так, в речи перед митингом в Биаке в 1998 г. он просил «...защищать флаг только с Библией и песенником», а также называл всех индонезийцев и даже сотрудников полиции братьями³⁸, что не спасло его от ареста и заключения, в котором он и пишет мемуары, завершающиеся фразой «Как последователь Иисуса... я готов пожертвовать собой ради других»³⁹. Религия использовалась и как инструмент моральной апелляции: так, девушка под инициалами МА на демонстрации в Биаке кричала одному из силовиков: «Если ты религиозен и богобоязнен, перестань стрелять и избивать нас»⁴⁰; полицейский всё-таки ранил её, однако в конечном итоге опустил оружие, что стало свидетельством не большой моральной победы протестующих.

При этом следует отметить, что моральное превосходство не является абсолютным: так, Карма сокрушается по поводу отсутствия единства в среде лидеров движения, отмечая «Эгоизм многих папуасских лидеров... Они спорят, кто будет “президентом” или “премьером”, хотя государства Папуа ещё не существует»⁴¹. Это, по мнению активиста, приводит к тому, что «правительство создаёт “королей” для каждого племени в Папуа»⁴², вследствие чего размывается база для поддержки движения за независимость, следовательно, внутриэлитная борьба признаётся одним из факторов безуспешности движения. Интересную позицию высказывает Джоэль Борай – один из папуасских чиновников, отмечавший свою ответственность за соучастие индонезийскому правительству в проведении политики⁴³, а значит и некую долю причастности к структурному насилию, осуществляемому Джакартой.

Ощущение коллективной травмы как одной из частей самовосприятия жителей Папуа строится на двух основных позициях. Во-первых, это чувство предательства, связанного с передачей Папуа Индонезии. Особенно чутко его ощутил Савор, готовившийся стать чиновником в независимой Западной Новой Гвинее: «Четыре века... Новая Гвинея была игрушкой иностранцев...не спрашивавших мнения папуасов»⁴⁴. Эту же мысль развивает Фелип Карма: рефлексировав понятие *in-lander* – слово, которым называли индонезийцев голландцы – активист отмечает, что освобождённые индонезийцы переняли эту модель от бывших колонизаторов: «Раньше голландцы обращались с индонезийцами как с «туземцами»... Теперь, когда Индонезия свободна, уже нас, папуасов, так же унижают. Поменялись ролями»⁴⁵. Во-вторых, это опыт существования в рамках Индонезии, связанный с проявлениями структурного насилия. Так, папуасские женщины отмечают, что пережитое насилие продолжает влиять на их семьи и потомков. Одна из жертв сексуального насилия говорит: «Я хочу, чтобы виновный извинился перед всеми моими детьми и внуками... чтобы они могли общаться без оскорблений»⁴⁶. Эти слова указывают на проблему стигматизации: дети и внуки пострадавших оказались изолированы, в обществе их могли дразнить, унижать как родственников «сепаратистов» или жертв изнасилования. Таким образом, травма имеет межпоколенческий характер – не только прямая память о насилии, но и социальное клеймо передаются следующим поколениям. Другая респондентка упоминала, что их семья десятилетиями подвергалась дискриминации в трудовой деятельности: «Нам никогда не давали повышения, потому что мы были в “красном списке”»⁴⁷. Здесь раскрывается механизм институциональной травматизации: папуасов, заподозренных в нелояльности, вносили в

тайные списки неблагонадёжных, из-за чего многие семьи были обречены на бедность и маргинализацию.

Таким образом, нарратив самовосприятия следует оценивать как героический: в эго-документах выстраиваются либо образы храбрых и набожных борцов за независимость, либо страдающего от произвола властей простого люда.

Заключение

Проанализированные эго-документы позволяют реконструировать восприятие индонезийской власти жителями западной части Новой Гвинеи и выделить устойчивый набор представлений, формировавшихся в течение второй половины XX века. Папуасские авторы описывают режим управления как сочетание дисциплинарных практик, постоянного контроля и широкой опоры на силовые действия. Эти элементы воспринимались как системные, а не эпизодические, что задавало рамку взаимодействия населения с государством и формировало ощущение структурного насилия, распространявшегося на политическую, социальную и экономическую сферы. Мемуары и устные свидетельства подчёркивают маргинализацию папуасов в административной системе, ограниченные возможности карьерной реализации и асимметричный характер доступа к ресурсам, что укрепляло представление о колониальном характере интеграции региона в состав Индонезии. Параллельно фиксируется восприятие дискурсивной политики Джакарты, в которой безопасность, целостность государства и контроль над символами выступали ключевыми элементами формирования официальной позиции.

Самоописания папуасских авторов дополняют эту картину, показывая, как под влиянием политического и социального давления формировались представления о собственной позиции и коллективном опыте. Религиозная риторика, мотивы морального превосходства, подчёркивание стойкости и готовности к жертве становятся способом объяснения прожитых событий. Наряду с этим в источниках прослеживается и выраженная травматическая составляющая, связанная как с историей включения региона в состав Индонезии, так и с опытом насилия и дискриминации в последующие десятилетия. Внутренняя критика папуасских лидеров, размышления о расколе и ответственности дополняют общий нарратив, демонстрируя неоднородность взглядов и наличие рефлексии по поводу причин уязвимости движения.

Таким образом, совокупность рассмотренных свидетельств позволяет выявить сложную систему восприятия индонезийского

правления, в которой политический опыт, повседневные практики и культурные представления тесно переплетены и взаимно усиливают друг друга.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

БЕСЕДИН Егор Сергеевич, старший лаборант-исследователь, Лаборатория «Сектор новых вызовов в Южной и Юго-Восточной Азии» ЦИОР ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 15.11.2025;
принята к публикации 30.11.2025.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egor S. BESEDIN, Senior Research Assistant, Laboratory "Sector of New Challenges in South and Southeast Asia", IMEMO RAS, Moscow, Russia

The article was submitted 28.10.2025;
approved 15.11.2025;
accepted to publication 30.11.2025.

¹ The New York Agreement (Article II), 15.08.1962 // National Parliament of West Papua. URL: <http://www.westpapuaparlament.org/the-new-york-agreement-august-1962/>

² Galtung J. Violence, Peace, and Peace Research // Journal of Peace Research. 1969. Vol. 6, no. 3. P. 173.

³ Другов А.Ю. Индонезия – проблема сепаратизма в Папуа // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том III, № 3 (52). DOI:10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-065-089. С. 69-71, 73-34.

⁴ Buzan B., Wæver O., de Wilde J. (1998). Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers. Pp. 23-29.

⁵ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. С. 202-204.

⁶ Штомпка П. Социальное изменение как травма: (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.

⁷ Тарле Е.В. Значение архивных документов для истории // Вестник архивоведения. 1961. № 3. С. 102.

⁸ Zacharias Sawor // Writers Unlimited, 2005. URL: <https://www.writersunlimited.nl/en/participant/zacharias-sawor>

⁹ Constant Karma Resmi Jadi Penjabat Gubernur Papua // Direktorat Jenderal Otonomi Daerah, Kementerian Luar Negeri Republik Indonesia, 06.11.2012. URL: <https://otda.kemendagri.go.id/index.php/categoryblog/344-constant-karma-resmi-jadi-penjabat-gubernur-papua>

¹⁰ Filep Karma and the fight for Papua's future // Inside Story, 06.04.2011. URL: <https://insidestory.org.au/filep-karma-and-the-fight-for-papuas-future/>

¹¹ Tokoh Papua Filep Karma Ditemukan Meninggal di Pantai Jayapura // CNN Indonesia, 01.11.2022. URL: <https://www.cnnindonesia.com/nasional/20221101072544-12-867825/tokoh-papua-filep-karma-ditemukan-meninggal-di-pantai-jayapura>

¹² Viartasiwi, N. The politics of history in West Papua – Indonesia conflict // Asian Journal of Political Science, 26(1), 2018, doi:10.1080/02185377.2018.1445535. P. 13.

¹³ Sawor, Z. (1969). Ik ben een Papoea. Groningen: Uitgeverij de Vuurbaak. P. 8.

¹⁴ Sawor, Z. (1969). Ik ben een Papoea... P. 74.

¹⁵ Sawor, Z. (1969). Ik ben een Papoea... P. 35.

¹⁶ Фуко М. Надзирать и наказывать... С. 294-295.

¹⁷ ELSHAM (1999). Names without Graves, Graves without Names: A Report on Human Rights Abuses in Biak, Irian Jaya. Jayapura: ELSHAM. P. 20.

¹⁸ См., например: Marzuki, S., & Ali, M. The settlement of past human rights violations in Indonesia // Cogent Social Sciences, 9(1), 2023. doi:10.1080/23311886.2023.2240643

¹⁹ ELSHAM (1999). Names without Graves... P. 17.

²⁰ ELSHAM (1999). Names without Graves... P. 17.

- ²¹ National Commission on Violence Against Women, Women Working Group of Papuan People's Assembly, the International Center for Transitional Justice Indonesia. (2010). Enough is Enough! Testimonies of Papuan Women Victims of Violence and Human Rights Violations 1963-2009. URL: <https://www.ictj.org/sites/default/files/ICTJ-IDN-Enough-Women-Papua-Report-2010.pdf>. P. 19.
- ²² Visser, L., ed. (2013). Governing New Guinea: An oral history of Papuan administrators, 1950-1990. Leiden, Netherlands: K.I.T.L.V. P. 134.
- ²³ Visser, L., ed. (2013). Governing New Guinea... P. 135.
- ²⁴ Visser, L., ed. (2013). Governing New Guinea... P. 264.
- ²⁵ Visser, L., ed. (2013). Governing New Guinea... P. 210.
- ²⁶ Enough is Enough!.. P. 24.
- ²⁷ Visser, L., ed. (2013). Governing New Guinea... P. 210.
- ²⁸ Visser, L., ed. (2013). Governing New Guinea... P. 254.
- ²⁹ Sawor, Z. (1969). Ik ben een Papoea... Pp. 47-48.
- ³⁰ Sawor, Z. (1969). Ik ben een Papoea... P. 41.
- ³¹ Sawor, Z. (1969). Ik ben een Papoea... Pp. 41-45.
- ³² Enough is Enough!.. P. 1.
- ³³ Karma, F. (2014). Seakan kitorang setengah binatang: rasialisme Indonesia di tanah Papua. Jayapura: Deiyai. P. 135.
- ³⁴ Visser, L., ed. (2013). Governing New Guinea... P. 71.
- ³⁵ Visser, L., ed. (2013). Governing New Guinea... P. 11.
- ³⁶ Sawor, Z. (1969). Ik ben een Papoea... P. 46.
- ³⁷ Karma, F. (2014). Seakan kitorang... P. 69.
- ³⁸ ELSHAM (1999). Names without Graves... P. 10.
- ³⁹ Karma, F. (2014). Seakan kitorang... P. 77.
- ⁴⁰ ELSHAM (1999). Names without Graves... P. 16.
- ⁴¹ Karma, F. (2014). Seakan kitorang... Pp. 81-82.
- ⁴² Karma, F. (2014). Seakan kitorang... P. 42.
- ⁴³ Visser, L., ed. (2013). Governing New Guinea... P. 176.
- ⁴⁴ Sawor, Z. (1969). Ik ben een Papoea... P. 108.
- ⁴⁵ Karma, F. (2014). Seakan kitorang... P. 33.
- ⁴⁶ Enough is Enough!.. P. 21.
- ⁴⁷ Enough is Enough!.. P. 18.